

САПЕР (ГЕРМАН СИРИЛ МАК-НЕЙЛ)

Сапер — псевдоним (впрочем, даже не совсем псевдоним) Германа Сирила Мак-Нейла, а Бульдог Драммонд — центральный персонаж этого автора на протяжении добрых семнадцати лет, с первых месяцев большой литературной славы, обрушившейся на Мак-Нейла в 1920 году, до его смерти в 1937-м. И писатель, и его литературный герой — люди весьма своеобразные: приключения Драммонда, несмотря на их бешеную популярность вплоть до 1950-х годов, вот уже многие десятилетия не переиздаются из-за сугубой неполиткорректности.

Мак-Нейла и вправду частенько «заносило», пусть не в этом конкретном рассказе, а главным образом в романах («бульдожья» серия включает свыше двух десятков романов — и лишь считанные рассказы). Строго говоря, многие британские писатели, активно работавшие в ту пору, демонстрировали довольно-таки высокий уровень ксенофобии — расовой, классовой и национальной. На уровне «бытового шума» он присутствует и у тех, от кого, казалось бы, этого совсем не ждешь: у Честертона, Агаты Кристи — по крайней мере, в ранних ее вещах... После Второй мировой войны у нее, как и у большинства ее коллег по перу, мировоззрение существенно изменилось; надо думать, и Мак-Нейл, доживи он до этих лет, совершил бы подобную эволюцию, но, может быть, в меньшей степени. Ведь ему и в 1920-х — 1930-х годах частенько случалось выходить далеко за пределы общепринятых в ту пору норм корректности. За это его, конечно, хвалить не приходится, однако можно найти если не оправдания, то смягчающие обстоятельства.

Суть в том, что для Мак-Нейла именование «Сапер» — даже не псевдоним, а фронтовая специальность времен Первой мировой войны. Перо ему впервые довелось опробовать во время вынужденных отпусков: то по ранению, то после отравления ядовитыми газами, последствия которого ощущались на протяжении всей его жизни и в конце концов преждевременно свели его в могилу... Офицерам-фронтовикам, согласно правилам британской

армии, не разрешалось публиковаться под своим именем, так что лейтенант, а потом и капитан Мак-Нейл выбрал «окопную маску» соответствующего профиля.

Такая биография позволяет снисходительнее относиться к тому, что современники называли «вспышками агрессивного патриотизма». Добавим, что биографии у автора и персонажа во многом совпадают: капитан Хью Драммонд по прозвищу Бульдог (если уж вцепится, то не отпустит) воевал в инженерных войсках на самом переднем крае, неоднократно был ранен, получил очень высокие награды, присуждаемые именно за личное мужество в бою (ордена «Военный крест» и «За выдающиеся заслуги»: сам Мак-Нейл, по правде говоря, удостоился лишь первого из них), а после войны заскучал — и... Вот тут обозначается основное расхождение: Драммонд собрал фронтовых друзей и организовал детективное агентство, специализирующееся на поимке не обычных преступников, а главным образом вражеских агентов, направленных то лелеющей реваншистские планы Германией, то большевистским СССР, то далеким Китаем, а то даже и какими-то загадочными международными организациями; Мак-Нейл же предпочел обо всем этом писать.

Некоторые из противников Драммонда напоминают злодея-профессора Мориарти и модного в те же годы доктора Фу Манчу, криминального гения китайского происхождения. Сам же Бульдог, как хорошо известно, послужил прототипом Джеймса Бонда. Это тот самый, ныне не слишком любимый западными читателями образец джентльмена с бурным прошлым, который регулярно пьет крепкие напитки, но при необходимости бьет тоже очень крепко, пользуется большой популярностью у прекрасного пола, честно играет, без колебаний стреляет на поражение... Словом, типичный строитель и защитник Британской империи. Он занимается рискованными видами спорта, всегда верен дружбе, особенно фронтовой, однако порой творчески относится к официальным законам, соблюдая скорее их дух, чем букву. А стилистика литературных повествований о нем обычно включает жесткую или даже жестокую, почти циничную усмешку.

Пожалуй, сегодняшняя эпоха подходит этому персонажу заметно больше, чем совсем недавняя, полностью его отторгавшая.

ТРИНАДЦАТЬ СВИНЦОВЫХ СОЛДАТИКОВ¹

— Не трогай их, дядя Хью, они пока не высохли. Мистер Стэдмен сказал, что раскрасит еще, когда вернется.

Хью Драммонд, названный дядей лишь из вежливости, взглянул на сидящего на полу мальчика. Вокруг царил неизменно сопутствующий маленьким детям беспорядок, обычно создаваемый чем угодно: разбросанными повсюду игрушечными поездами, самолетами, мохнатыми жуками. На этот раз центральное место в нем занимали солдатики, окруженные красками, кисточками и лужицами разноцветной воды. Вдобавок здесь лежали коробки с пехотинцами, кавалеристами и артиллеристами одинакового тускло-серого цвета, в то время как на подносе сияли великолепными алыми мундирами свежевыкрашенные герои.

— Мистер Стэдмен сказал, что раскрашивать их самому гораздо интересней, — объяснил счастливый обладатель этого сокровища. — А еще он сказал: не важно, что они пока не в полной форме.

— Я согласен с мистером Стэдменом, Билли, — кивнул Драммонд. — Алый цвет смотрится лучше, чем хаки, правда? Бравые горцы со своим верховым генералом.

— Да, у меня еще есть такие. Это горцы Кэмерона².

¹ Из цикла «Бульдог Драммонд». (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

² Горцы Кэмерона, Гордона и Сифорта — соответственно 79-й Е Величества, 92-й и 7-й пехотные полки британской армии. Командиром первого из них был тесть Мак-Нейла, начинавший службу еще в те времена, когда этот полк носил не хаки, а традиционную форму шотландского образца: ту самую, в которую облачены фигурки солдатиков.

— Нет, дружище, не кэмеронцы. Это могут быть гордонцы.

— А мистер Стэдмен сказал, что кэмеронцы, — стоял на своем мальчик. Затем он обернулся к вошедшему в комнату высокому темноволосому человеку и добавил: — Разве вы не так сказали?

— Что я сказал, Билли?

— Что это горцы Кэмерона. А то дядя Хью говорит, что они гордонцы.

— Только после того, как их раскрасили, сынок, — уточнил Драммонд. — А до этого они могли быть из любого другого полка.

— Но мистер Стэдмен уже их раскрасил и сказал, что это горцы Кэмерона. Почему они не могут быть кэмеронцами?

— Потому что у них килты другого цвета, дружище. Я мог бы с большой натяжкой допустить, что это горцы Сифорта, но, увы, никак не Кэмерона. Видишь, этот килт кажется темно-зеленым или даже черным, а у полка Кэмерона он должен быть строго красным.

— Да вы, как я погляжу, истинный шотландец, — улыбнулся Стэдмен, но Драммонд не заметил за этой улыбкой ни капли дружелюбия.

— Я даже говорю «дабрый вачер», — спокойно ответил он.

— И все же не стоит забивать ребенку голову такими пустяками, как цвет килта.

Драммонд поднял брови с еще менее дружелюбной улыбкой.

— Не думаю, что будущей карьере мальчика существенно повредило бы, если бы он сказал, что архиепископ Кентерберийский проповедует в пурпурной пижаме, — заметил он. — Однако же, если вы раскрашиваете солдатиков и тем самым просвещаете ребенка в военных вопросах, то такие мелочи, как отделка мундира и правильный цвет килта, отнюдь не лишние.

Он прикурил сигарету и подошел к окну.

— Дождь кончился. Пожалуй, пойду прогуляюсь. Полагаю, сильные мира сего еще не закончили совещаться?

— Еще нет, — коротко ответил Стэдмен, и Драммонд с задумчивым видом вышел из комнаты.

«Один из тех неприятных людей, — размышлял он, — кто не желает признавать свою неправоту. Но, возможно, он просто не разбирается в том, чем сейчас занят».

— Элджи, старый сорняк, ты не проводишь меня в деревню? — обратился он к Лонгуорту, сидевшему в холле. — Думаю, вечернюю газету уже доставили, и мне не терпится узнать, не проиграл ли я в пятнадцатый раз подряд. Скажи мне, — продолжил Драммонд, когда они вышли на подъездную дорожку, — что ты думаешь о парне по фамилии Стэдмен?

— Ничего не думаю, — ответил Элджи, — пока у меня есть такая возможность. А в чем дело?

— Я просто спросил. Мы немного поболтали с ним о килтах и прочих пустяках, и сомневаюсь, чтобы он остался доволен разговором. Кстати, не странная ли это забава для взрослого мужчины — раскрашивать солдатиков?

— Странная. Но мальчику он, похоже, нравится. И я считаю, что он сделал доброе дело, когда съездил в Манчестер за новой партией некрашенных солдатиков. Так что там с килтами?

— Ничего особенного, — ответил Драммонд и, остановившись, оглянулся назад. — Как все-таки хороша эта старая громадина.

Мрачные башни и зубчатые стены замка Оксшотт четко очерчивались лучами клонящегося к западу солнца. С обеих сторон его обрамляли деревья, такие же древние, как и само здание. Перед ним лежало озеро, безмятежное и гладкое, как стекло. Пока они любовались этой картиной, из парадной двери вышли четверо мужчин и один за другим пересекли подъездную дорожку.

Даже с такого расстояния их было нетрудно узнать. Впереди шел сухощавый и седой хозяин замка, семидесятилетний